

УДК 821.161.1
DOI 10.17223/18137083/68/8

А. А. Пономарева

Новосибирский государственный педагогический университет

**Сюжет «начинающая писательница-провинциалка – известный литератор» в беллетристике середины XIX века
(роман Н. Д. Хвощинской «Встреча»)**

Исследован сюжет «начинающая писательница-провинциалка – известный литератор» в беллетристике середины XIX в. Установлено, что появление этого сюжета обусловлено характерной тенденцией времени: массовым выходом женщин-писательниц на литературную сцену. На основе переписки Н. Д. Хвощинской, Е. А. Ладыженской, Н. С. Соханской определены типологические черты положения, в котором оказывалась провинциалка, решившая начать литературную карьеру: для того чтобы стать полноценной участницей литературной жизни, она, как правило, завязывала знакомство через переписку с известным столичным литератором. Ситуация развивалась одинаково вне зависимости от характера и взглядов адресанта и адресата: литератор принимал деятельное участие в жизни молодого таланта. Подробно проанализирована разработка этого биографического сюжета в романе Н. Д. Хвощинской «Встреча» («Отечественные записки», 1860).

Ключевые слова: Н. Д. Хвощинская, роман «Встреча», писательница-провинциалка, биографический сюжет, беллетристика, середина XIX века, женская эмансипация.

Отличительная тенденция литературного процесса середины XIX в. – массовый выход женщин-писательниц на литературную сцену¹. Если в первой половине XIX в. занятие литературной деятельностью считалось предосудительным для женщины, писательницы назывались «безобразными кометами», вырвавшимися из сферы своего пола, «монстрами», забывшими свое предназначение, то в рассматриваемое время взгляды образованной части общества кардинально изменились. Общим местом стало заключение о том, что мужчины и женщины имеют

¹ Назовем лишь некоторые имена женщин-писательниц, публиковавшихся в середине XIX в.: Е. И. Вельтман, А. Я. Панаева, Е. Тур, А. Я. Марченко, С. В. Энгельгардт, Е. Н. Ахматова, Е. П. Майкова, Н. С. Соханская, А. Гернер, Ю. В. Жадовская, Н. Д. и С. Д. Хвощинские и мн. др.

Пономарева Анастасия Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе Новосибирского государственного педагогического университета (ул. Виллюйская, 28, Новосибирск, 630126, Россия; anastasiya.ponomareva.92@inbox.ru)

равные права на литературную деятельность. Труд писателя перестал восприниматься как «признак вздорной мечтательности от безделья» [Обозрение русской литературы..., 1851, с. 50] и вошел в число дельных женских занятий. В середине XIX в. активными участницами литературной жизни становятся не только те писательницы, которые непосредственно связаны со столичными литературными кругами (родственницы литераторов), но и провинциалки.

Одна из писательниц-провинциалок, появившаяся в конце 1840-х гг. на литературной «сцене», – Н. Д. Хвоцинская (В. Крестовский-псевдоним). Ее творчество занимает важное место в истории русской литературы середины и второй половины XIX в. Современники называли ее «первой русской писательницей» [Зотов, 1889, с. 103] и ставили в один ряд с И. С. Тургеневым [С. С., 1863; Семевский, 1890]. Как писал В. Чуйко, автор одного из некрологов, посвященных Н. Д. Хвоцинской, знакомство с некоторыми ее романами считалось «обязательным для всякого русского человека» (цит. по: [Тыминский, 1997, с. 4]). По данным А. И. Рейтבלата, в конце 1850-х – начале 1860-х гг. всеобщий интерес вызывали романы «Баритон» (1857), «В ожидании лучшего» (1860), повесть «Стоячая вода» (1862) [Рейтблат, 2009, с. 188–191].

Творчество Н. Д. Хвоцинской многократно становилось объектом специальных исследований: рассматривались эстетические взгляды писательницы [Строганова, 2006], поэтика отдельных произведений ([Тыминский, 1997; Лукашевич, 2011] и др.). Наша работа посвящена малоисследованной теме: репрезентации в художественном творчестве Н. Д. Хвоцинской литературно-общественных тенденций своего времени, в частности, ситуации, связанной с массовым выходом провинциалок на литературную «сцену».

Задача исследования – на основе переписки женщин-писательниц выявить типологические черты положения, в котором оказывалась провинциалка, решившая начать литературную карьеру, и проанализировать, каким образом оно «разрабатывается» в романе «Встреча» (1860).

Творческие биографии провинциальных писательниц похожи: для того чтобы стать полноценными участницами литературной жизни, они, как правило, завязывали знакомства через переписку с известными столичными литераторами. Ситуация развивалась похоже вне зависимости от характера и взглядов адресанта и адресата: литератор принимал деятельное участие в трудной судьбе молодого таланта и помогал начать литературную карьеру.

Основной мотив корреспонденции женщин-писательниц – трудность реализации своего творческого потенциала. Конечно, об этом пишут не только провинциалки, но и женщины, приближенные к столичным литературным кругам. А. Я. Панаева, в частности, признается, что сначала ее не воспринимали как писательницу. В. Г. Белинский не мог поверить, что она – автор повести «Семейство Тальниковых», посвященной злободневной теме детского воспитания:

Если бы Некрасов не назвал вас, а потребовал бы, чтобы я угадал, кто из моих знакомых женщин написал «Семейство Тальниковых», уж извините, я ни за что не подумал бы, что это вы. <...> Такой у вас вид: вечно в хлопотах о хозяйстве. <...> Я, грешный человек... думал, что вы только о нарядах думаете [Панаева, 1956, с. 179].

Несмотря на общественное мнение, А. Я. Панаевой удается найти поддержку в своем кругу. В частности, она отмечает, что важную роль в ее творческом становлении сыграл В. Г. Белинский. Она неоднократно вспоминает совет, данный критиком: «Плюньте на всех, пишите и пишите!» [Там же].

Провинциалкам оказывается еще труднее реализовать творческий потенциал: в отличие от столичных писательниц, у них нет «единомышленников». Чаще всего в письмах делается акцент на том, что окружение холодно или даже враждебно

относится к их литературной деятельности. В. И. Семевский, автор одной из первых статей о жизни и творчестве Н. Д. Хвоцинской, отмечает, что родственники писательницы противоречиво отреагировали на публикацию ее стихотворений:

Отец Н. Д. очень сочувствовал ее литературной деятельности; мать, напротив, была очень огорчена выступлением дочери на литературное поприще, горько плакала и говорила: «Дай бог, чтобы у нее это прошло!» [Семевский, 1890, с. 54–55]

Заметим, что П. Д. Хвоцинская пыталась опровергнуть картину, нарисованную В. И. Семевским. В биографическом предисловии к собранию сочинений старшей сестры она, в частности, давала следующий комментарий описанной реакции родителей:

О матери нашей почти не упоминается автором статьи в «Русской мысли», а где и говорится о ней, там она рисуется совершенно равнодушной и даже противодействующей литературным занятиям моей сестры. Этого никогда не было, да и не могло быть. Источник, из которого почерпнуты эти сведения, так же несправедлив, как и враждебен [Хвоцинская, 1890].

В другой части предисловия П. Д. Хвоцинская тем не менее признавалась, что сестре не хватало профессиональной оценки произведений и поддержки со стороны более опытных литераторов.

Современница Н. Д. Хвоцинской, Н. С. Соханская, также подчеркивала, что ее некому было поддержать в начале литературного пути. Мать и тетя, единственные люди, с кем она ежедневно виделась на уединенном хуторе, куда переселилась после выпуска из института, равнодушно приняли ее идею посвятить себя литературе:

– Да как же, тетенька, писать-то такие пошлости, – вздор-то такой? Да это бы я лучше написала! (речь идет о современной журнальной литературе. – А. П.)

– Ну и пиши.

Я готова была вспылить. – «Ну и пиши», как будто все равно: «ну чулок вяжи!». Может быть, я и сама думаю об этом; да писать – это мне казалось таким великим делом, таким неизреченным даром Божиим, что и вспоминать о нем... Да мне ли иметь его? [Соханская, 1896, с. 102]

Убедившись в своем таланте, провинциалки начинали искать руководителя, который мог помочь им выйти на литературную «сцену». Как правило, они обращались с просьбой к известным столичным литераторам. Так, например, Н. С. Соханская предложила эту роль П. А. Плетневу. Свое первое письмо к нему она начала характерным образом:

Петр Александрович! Будьте моим руководителем! моим прибежищем! Подать женщине руку помощи – это так благородно, так достойно мужчины! Судите мою повесть как можно строже – я прошу вас, и решите, могу ли я что-нибудь? И если могу, дайте мне место в вашем журнале. Я жду вашего ответа, скажите мне: да или нет; только скажите что-нибудь. Это ужасно, если вы оттолкнете женщину, которая шла к вам с такою полною доверенностью... Но нет! что-то говорит мне, что в вас я найду тот именно прекрасный образец участия, о котором так отраднo мечтать молодому сердцу [Там же, с. 1].

П. А. Плетнев, заинтересованный не произведениями писательницы (повести «Графиня Д.» и «Метель» ему не понравились; по его мнению, в них проявлялась ориентация на «французскую школу»), а ее письмами, решил взять на себя роль

литературного наставника. Он попросил корреспондентку описать ее жизнь: семью, обучение в институте, домашние занятия. Знакомясь с фрагментами автобиографии, П. А. Плетнев указывал на их сильные стороны. В частности, в одном из писем он сравнивал стилистическую манеру начинающей писательницы с пушкинской.

Еще более ярко «ученическая» позиция выражена в письмах Е. А. Ладыженской к И. С. Тургеневу. Первоначальным поводом для переписки послужило желание провинциальной писательницы найти себе «умственное занятие». В первом письме она признается, что ей «опротивели романы французской школы» и «английских юмористов» и что, вместо того, чтобы тратить время на чтение скучной европейской литературы, она хочет переписываться с любимым русским писателем. Основные темы ее первых писем – современная литература и значение И. С. Тургенева в ней. Однако вскоре Е. А. Ладыженская обращается к адресату с просьбой познакомиться с ее литературными опытами и дать им беспристрастную оценку. Как и Н. С. Соханская, писательница всячески подчеркивает неопытность в литературных делах:

Моей повести я Вам еще не могу прислать, конец не совсем переписан – а посылаю Вам начало романа. Если, как я полагаю, Вы найдете, что я не имею таланта, – скажите прямо, без всяких «ménagements»: я Вам даю честное слово, что не ставлю в этом своего самолюбия, я пишу так, от нечего делать, и с тех пор, как переписываюсь с Вами, совсем бросила [Никонова, 1966, с. 367].

Не дождавшись ответа И. С. Тургенева, Е. А. Ладыженская снова отправляет письмо с литературными рассуждениями, прося в постскриптуме вернуть ей тетрадь с сочинением. В результате разбор фрагмента приходит. Содержание письма И. С. Тургенева неизвестно, но из ответа Е. А. Ладыженской понятно, что он оценен невысоко:

Благодарю Вас, Иван Сергеевич, за Ваше суждение о моем романе – мне польстило, что Вы его нашли достойным критики. Но чтоб довершить Ваше благодеяние, недостаточно показать мне раны, надобно указать и на лекарство; словом, я хочу попросить у Вас несколько объяснений и надеюсь, что Вы мне в них не откажете [Там же, с. 370].

После этой просьбы Е. А. Ладыженская, приняв на себя роль тургеневской ученицы, пересказывает сделанные ей замечания, сопровождая их комментариями-оправданиями. В принятой ученической манере она просит оценить еще одно ее произведение, повесть «Три женщины». Помня урок И. С. Тургенева, писательница пытается предугадать замечания:

Посылаю Вам свою повесть, она в другом роде, но, кажется, еще хуже и опять-таки нравоучительна. Я думаю, что Вы найдете в повести моей слог менее небрежным; я ее почти всю переписывала сама и успела несколько поправить. Но галлицизмы, верно, опять встретятся, это наследственное зло. Также и чувство, кажется, часто переходит в сентиментальность; однако, когда я писала, я *так* чувствовала в самом деле, но у меня *внешнее* выражение мыслей никогда не соответствует *внутреннему* идеалу. И это нагоняет на меня какое-то тоскливое чувство – понимаете ли Вы это? [Там же, с. 270] (выделено автором. – А. П.).

На этом фоне «ученическое» поведение Н. Д. Хвошинской отличается. Известно, что важную роль в начале ее карьеры сыграло знакомство с В. Р. Зотовым, принявшим решение представить публике новый женский талант. В своих воспо-

минаниях литератор подробно описал обстоятельства, при которых он узнал о нем:

Между множеством стихотворных посланий в редакцию «Литературной газеты» прислана была летом (1847 г. – *А. П.*) целая тетрадь из Рязани со стихами, подписанными неизвестным в литературе женским именем. Хотя на столе редакции возвышались кипы одиночных стихотворений, но правило: *place pour dames!* Требовало немедленного одоления более чем полсотни пьес, писанных мелким, явно женским, но в то же время чрезвычайно своеобразным почерком <...> с первых же строк был поражен несомненным дарованием поэтессы. Под формой стиха далеко не безукоризненного, местами вовсе не отделанного, скрывалась везде оригинальная мысль, высказывалось неподдельное, искреннее чувство. Это был положительный талант, самородок, алмаз, в котором надо было только кое-где сгладить шероховатость граней, чтобы он явился настоящим бриллиантом [Зотов, 1889, с. 94].

После публикации первых стихотворений между В. Р. Зотовым и Н. Д. Хвоцинской завязывается переписка. Предметом обсуждения становятся стилистические вопросы. По воспоминаниям литератора, ему приходилось очень подробно объяснять корреспондентке правомерность внесенных им изменений. По его свидетельству, начинающая писательница долго не соглашалась с редакторскими решениями, пыталась отстоять свои первоначальные неудачные варианты. Однако, как признается В. Р. Зотов, ему все-таки удалось убедить ее в необходимости прислушиваться к дружеским советам.

Знакомства, заведенные писательницами-провинциалками, имели разные «финалы»: Н. С. Соханская и Н. Д. Хвоцинская стали постоянными корреспондентками известных литераторов, П. А. Плетнева и В. Р. Зотова, а Е. А. Ладыженской не удалось подружиться с И. С. Тургеневым (по замечанию Т. А. Никоновой, переписка между ними прервалась, так как писателя стало тяготить ее внимание [Никонова, 1966]). Однако, несмотря на различие финалов, заведенные знакомства дали возможность провинциалкам стать заочными участницами литературной жизни.

Примечательно, что, несмотря на злободневность, ситуация, связанная с выходом провинциалки на литературную «сцену», была представлена в беллетристике середины XIX в. только однажды, причем в ироническом свете – в романе Н. Д. Хвоцинской «Встреча».

Суть фабулы этого романа можно сформулировать так: Тарнеев, молодой чиновник-беллетрист, устав от городской службы, приезжает на отдых в деревню. Соскучившись одинокой жизнью, он знакомится с соседями – помещицкой семьей (мать и три дочери, одна из которых поэтесса) и их родственницей, Александрой Ахтаровской, молодой женщиной, покинувшей мужа. Герой сразу же влюбляется в нее. В него же влюбляется поэтесса. Девушка истолковывает в свою пользу его внимание к дому и делает от его лица себе предложение. Герой, узнав о коварных планах новой знакомой, расходится с их домом и объясняется с возлюбленной. Несмотря на то, что она отвечает взаимностью, герои расстаются, так как признают невозможность быть вместе. Тарнеев после этого уезжает из поместья.

Роман «Встреча» занимает важное место в творческом наследии Н. Д. Хвоцинской. В первую очередь примечателен тот факт, что он высоко оценивался самой писательницей, обычно строго относившейся к своим произведениям. В письме к подруге О. А. Новиковой она делает характерное признание:

Скажу вам по секрету: со мной чудо. Я *люблю* (!) этот свой роман. Он, может быть, и никуда и не годится, и темен, и туманен, наконец [«Я живу от почты и до почты...», 2001, с. 100] (выделено автором. – *А. П.*).

Также примечательно, что Н. Д. Хвоцинская, недовольная отзывами критиков о романе, обращается к ряду своих постоянных адресатов (в их числе О. А. Новикова, Н. Ф. Щербина и др.) с просьбой перечитать его и высказать искреннее дружеское мнение о проблематике и персонажах. Пристальное внимание именно к этому роману она объясняет тем, что в нем есть «многое близкое... по душе», что выражается в ее сочинениях чрезвычайно редко [Там же, с. 21]². Значимо также свидетельство младшей сестры писательницы – Прасковьи Дмитриевны. По ее словам, Н. Д. Хвоцинская «...никогда не бывала довольна написанным и из всех своих произведений выше всего ценила “Встречу”» [Хвоцинская, 1892].

Любопытно, что роман, отмеченный писательницей, редко становился объектом исследований. Первый опыт его анализа принадлежит критику К. К. Арсеньеву. В работе «В. Крестовский (псевдоним)» сосредоточено особое внимание на центральном персонаже – чиновнике-беллетристе Тарнееве. По мнению критика, писательнице удалось передать характерологические особенности представителя «затерявшегося» поколения 1850-х гг.:

...это драгоценный материал для истории русской мысли в малоисследованную, сравнительно, эпоху. Люди сороковых и шестидесятых известным нам лучше, чем люди промежуточного поколения, к которому принадлежит Тарнеев. Он не «лишний человек» в том смысле, в каком понимал это выражение Тургенев [Арсеньев, 1888, с. 301].

По мысли К. К. Арсеньева, с «лишним человеком» Тарнеева объединяет только то, что ему также «не оказывается места в обществе» [Там же]. Специфика же состоит в том, что он, в отличие от тургеневского типа, готов с большой радостью выполнять «скромное предназначение», но, столкнувшись с пустотой бытия, разочаровывается и опускает руки.

Также внимание ученых привлекали героини романа – Александра Ахтаровская и Людмила Пантелеева. Довольно подробный анализ их характерологии представлен в статье В. Л. Погребной «Проблемы женской эмансипации в романе Н. Д. Хвоцинской “Встреча”». В ней сделан вывод о новаторском подходе в изображении эмансипированной женщины: «Писательница в своем творчестве изобразила различные полюса эмансипированности. В романе “Встреча” противопоставлены образы истинно эмансипированной, с точки зрения писательницы, Александры Ахтаровской... и Людмилы Пантелеевой, которая видит эмансипацию в слепом подражании, следовании моде, своеобразной игре» [Погребная, 1990, с. 60]. По нашему мнению, новаторство подхода Н. Д. Хвоцинской заключается не в том, что она представила два «полюса эмансипированности»³, а в том, что она задала нехарактерный для середины XIX в. иронический ракурс изображения женщины-писательницы.

В одном из писем к О. А. Новиковой Н. Д. Хвоцинская признавалась, что прототипом Людмилы Пантелеевой послужила она сама:

Много обнимаю вас за участие, которое вы приняли в «Встрече». Вообразите только, что я никогда не видела ни одной писательницы, следовательно *могла* писать ее только с себя, – но смею похвалиться: во мне нет ни одной черты моего создания. Я до конца была в страхе, что выйдет шарж –

² Нужно заметить, что никакое другое произведение середины XIX в. не было удостоено такого пристального внимания со стороны Н. Д. Хвоцинской. Даже высоко оцененную современниками повесть «Дневник сельского учителя» она упоминает только между делом в письмах к О. А. Новиковой.

³ Заметим, что в середине XIX в. был довольно распространен тип «ложно» эмансипированной героини. Он, в частности, представлен в повести Н. Д. Хвоцинской «Фразы. Деревенская история» (1855).

вышло, как вы говорите, «фотография» [«Я живу от почты и до почты...», 2001, с. 108] (выделено автором. – А. П.).

Однако, несмотря на признание писательницы, нельзя сказать, что сюжетная линия ее героини построена исключительно на автобиографическом материале. Примечательно с этой точки зрения наблюдение О. А. Новиковой: «вышло, как вы говорите, “фотография”» [Там же]. Корреспондентка, не обратив внимания на автобиографическую подоплеку положения, обрисованного в романе, сделала акцент на его «типологичности». Далее мы разовьем это наблюдение О. А. Новиковой и рассмотрим сюжетную линию Людмилы Пантелеевой на фоне биографических историй писательниц-провинциалок середины XIX в. (как Н. Д. Хвоцинской, так и ее современниц – Н. С. Соханской, Е. А. Ладыженской и др.).

Людмила Пантелеева, героиня романа «Встреча», действует по описанной выше модели: обнаружив у себя литературный талант, она обращается к более опытному литератору с просьбой помочь ей его развить. В качестве «наставника» выбирается Тарнеев, чиновник-беллетрист, составивший себе имя в литературе повестями и романами на злободневные темы (женская эмансипация, конфликт отцов и детей и т. д.). В отличие от рассмотренных биографических «сюжетов», в романе Н. Д. Хвоцинской представляется очное знакомство писателей: любимый романист героини, приехав на время отпуска в деревню, становится постоянным гостем в ее доме.

Как и во всех биографических «сюжетах», начинающая писательница-провинциалка жалуется на трудность самореализации. Людмила признается Тарнееву, что вынуждена вести ежедневную борьбу с пошлыми родственницами, хозяйственные занятия которых мешают ее литературной работе: «...вседневные дрязги... толки Бог знает о чем, узкие понятия... Так хочется всему этому сказать свое прямое, смелое слово» [Хвоцинская, 1860, т. 129, с. 325]. Однако в этом случае «борьба» Людмилы с окружением представляется в ироническом свете. Герой обращает внимание на несоответствие рассказов героини действительности. В частности, он замечает, что оппозиционной партии, которая препятствует ее творческой самореализации, нет, писательницу не притесняют и не заставляют заниматься хозяйством, напротив, мать переносит все бытовые хлопоты на младших дочерей.

Также в романе Н. Д. Хвоцинской иронически переосмысляются «наставническо-ученические» отношения, обычно устанавливавшиеся между начинающей писательницей и опытным литератором. В романе подчеркивается, что герой против своей воли принимает роль литературного наставника героини. Центральный эпизод биографических сюжетов – литературные «уроки», посвященные разбору произведений начинающей писательницы, – в рассматриваемом случае преобразуется: понимая, что давать советы бессмысленно, герой не старается развить литературный талант новой знакомой. Прослушав ее стихотворения, он из вежливости делает несущественные замечания о переизбытке в них шипящих звуков. Реакция начинающей поэтессы традиционна: она начинает ссылаться на свою неопытность, оправдываться и просить героя помочь ей исправить неудачные места, не замечая, что он смеется над ней.

В романе Н. Д. Хвоцинской подчеркивается, что герои имеют различные взгляды на задачи литературной деятельности. Людмила развивает идею о том, что в военное время (события происходят в 1854 г.) писатель должен приобщиться к великому делу: с помощью печатного слова поспособствовать развитию патриотических настроений в обществе. Причем героиня настаивает на том, что литературные занятия в большей степени подходят именно женщинам:

Теперь такое время, что всякий спешит высказать свою мысль и высказывает ее с неограниченной свободой, слово звучит и льется... У кого есть

оно, заветное, тот должен сказать его, сказать всем. Женщины пользуются этим правом и доказывают, что у них, именно у них, таилась сила слова могучего, родного... Они все поют! [Хвощинская, 1860, т. 130, с. 53].

По существу, в романе переосмысливается тенденция, характерная для литературного процесса времени Крымской войны. Заметим, что в середине 1850-х гг. на литературную сцену хлынул целый поток непрофессиональных литераторов с заметками о театре военных действий, полунаучными компиляциями о Крыме и военных противниках, патриотическими драмами, повестями, романами и стихотворениями. Периодические издания единодушно отмечали, что отказываются оценивать форму таких сочинений: их основное достоинство состоит в высоком патриотическом чувстве, которое они вызывают у читателя. В романе высвечивается другая сторона этой ситуации: акцент делается на том, что Людмила только разыгрывает роль патриотически настроенной поэтессы. Обращение к остроактуальной тематике представляется ей гарантией выхода на литературную «сцену». Театральному (в контексте романа искусственному) поведению героини противопоставлена «естественная» реакция героя на современные события. В отличие от Людмилы, Тарнеев не затрагивает патриотическую тематику. Он читает хроники войны и плачет над ними вместе с другой героиней, Александрой Ахтаровской.

Также учитель и ученица не совпадают в выборе литературной программы. Людмила Пантелеева выражает приверженность к концепции «чистого искусства». По ее мнению, художественное произведение должно быть лишено связи с действительностью. Писатель, по ее мысли, должен не наблюдать за явлениями реальной жизни, а фантазировать: забывая о земле и людях, создавать идеальные миры. Эти миры открываются поэтессе в момент вдохновения. Поэтическое озарение представляется в ироническом свете: оно сравнивается с раздражением нервов. В этом состоянии, по словам Людмилы, «живется как-то разумнее, необыкновенно». Последствием, по ее признанию, являются чернильные пятна на пальцах, свидетельствующие о том, что ей удалось сказать нечто особенное, что «без этого так бы и умерло» [Там же, с. 25]. С иронией описывается то, каким образом Людмила ожидает вдохновение: она запускает руки в волосы, закатывает глаза и в таком положении придается фантазиям о любви, дружбе, гражданском долге и т. д.

В романе подчеркивается несостоятельность литературной программы, развиваемой героиней. Несмотря на очевидное пренебрежение к действительности, Людмила черпает из нее сюжеты. Ее стихотворения связаны с узкозлободневными ситуациями: они являются откликами на ссоры с родственницами (разговоры младших сестер мешают ее работе; молодой человек, их деревенский сосед, увлекается другой и т. д.).

Тарнеев придерживается другой литературной программы: он близок эстетическим позициям «натуральной школы». Описание его творческого метода строится под влиянием идей В. Г. Белинского. В романе подчеркивается, что герой – «обыкновенный талант». В отличие от «гения», который ставит «действительную, будничную жизнь» только «для соображения в углу мастерской» и «полный своего идеала... творчески облакает его силой и красотой, счастлив и наслаждается своим трудом» [Там же, т. 129, с. 276–277], Тарнеев, напротив, старается как можно точнее скопировать действительность:

Он попробовал еще род занятия, которое его друзья советовали ему давно и которое могло бы в настоящее время несколько заменить ему их беседу и оживить воображение: он стал писать повести и даже печатать их. Велико или нет было его дарование, но в своих произведениях он выражал то, что волновало его в жизни других. <...> Тарнеев не творил,

а только списывал действительную жизнь, как она есть, под влиянием того впечатления, которое она производила. Такой труд не может быть наслаждением: он только повторение на бумаге того, что подмечено и испытано в жизни, что уже довольно успело надоесть, огорчить и измучить... Тарнеев писал; потому, что все-таки это было средство что-нибудь высказать, может быть, отозваться на чье-нибудь убеждение, может быть, заставить разделить свои убеждения, и, хотя менее всего надеялся что-нибудь изменить, что-нибудь исправить, но ему казалось, что, высказываясь, он исполняет хотя часть своего долга уже тем, что не молчит... [Хвощинская, 1860, т. 129, с. 276–277].

Творческий метод Тарнеева описывается не только повествователем, но и им самим. Герой признается в том, что литературная деятельность «обыкновенных талантов» в целом несостоятельна. С его точки зрения, произведения, точно «копирующие» действительность, не представляют художественной ценности ни для современников, ни для потомков. По его мнению, беллетристы имеют только историческое значение, «как изобразители, каждый какой-нибудь минуты своего времени» [Там же, с. 323].

На закате карьеры Тарнеев начинает развивать новую литературную программу: по его убеждению, литература должна не копировать, а преобразовать действительность, т. е. иметь утилитарный характер. Однако в романе подчеркивается, что, несмотря на то, что литератор нащупывает новый поворот в отношениях литературы к действительности, он оказывается неспособным реализовать его. Тарнеев отмечает, что ему не хватает силы таланта создать такие произведения, которые бы наставляли или утешали читателей, а не растревляли их раны точным изображением общественных пороков.

Еще одна особенность разработки биографического сюжета в романе – актуализация обычно редуцированной любовной коллизии. Для Людмилы Тарнеев представляется не столько литературным наставником, сколько выгодным женихом, которого она пытается поймать: поэтесса сочиняет и отправляет ему стихотворения, в которых недвусмысленно признается в любви, обращает внимание соседок на его частые посещения, подчеркивает общность их литературных взглядов. Однако ей не удается увлечь молодого человека: он опровергает предложение соседки, выполнившей без его согласия роль свахи, и перестает посещать дом Пантелеевых.

Итак, обращение к биографическому материалу середины XIX в. позволило Н. Д. Хвощинской не только разнообразить сюжетный «репертуар» своего времени, введя новую сюжетную «комбинацию», отражающую одну из характерных тенденций своего времени – массовый выход писательниц-провинциалок на литературную «сцену», но и включиться с некоторым запозданием в эстетические споры, которые велись в периодических изданиях 1850-х гг. Как показано в нашей работе, писательница пытается указать на слабые стороны актуальных литературных программ (концепции «чистого искусства», идей «натуральной школы») и сформулировать свое мнение об отношении литературы к действительности. В романе – в единственном произведении Н. Д. Хвощинской середины XIX в. – прямо выражаются эстетические взгляды писательницы: до него они формулировались в письмах к близким друзьям. С этой точки зрения примечательно, что Н. Д. Хвощинская вскоре после публикации «Встречи» обращается к новой для себя роли – литературного критика. Однако Н. Д. Хвощинская «опоздала» с публикацией романа, что отчасти объясняет отрицательные отзывы современников. Темы, злободневные в 1850-е гг. (выход женщин-писательниц на литературную «сцену», литература и Крымская война, значение «обыкновенных талантов» в литературе и т. д.), в 1860 г. утрачивают «остроту»: в это время в центре внимания находится уже другая эстетическая и социальная проблематика.

Список литературы

- Арсеньев К. К.* В. Крестовский (псевдоним) // Арсеньев К. К. Критические этюды по русской литературе: В 2 т. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1888. Т. 1. С. 255–350.
- Зотов В. Н. Д.* Хвоцинская (Из воспоминаний старого журналиста) // Исторический вестник. 1889. № 10. С. 93–108.
- Лукашевич М.* Роман В. Крестовского (Надежды Хвоцинской) «Баритон» на фоне литературной традиции изображения семинариста // Вестн. РГГУ. Сер. История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2011. № 7 (69). С. 133–146.
- Никонова Т. А. Е. А.* Ладыженская // Тургеневский сборник: Материалы к полному собр. соч. и писем И. С. Тургенева / Глав. ред. М. П. Алексеев. М.; Л.: Наука, 1966. Вып. 2. С. 354–372.
- Обозрение русской литературы за 1850 г. II. Романы, повести, драм. произведения, стихотворения // Современник. 1851. Т. 25. С. 33–63.
- Панаева (Головачева) А. Я.* Воспоминания / Вступ. ст. К. Чуковского; примеч. Г. В. Краснова, И. М. Фортунатова. М.: Гослитиздат, 1956. 508 с.
- Погребная В. Л.* Проблемы женской эмансипации в романе Н. Д. Хвоцинской «Встреча» // Культура народов Причерноморья. 2005. № 69. С. 57–60.
- Рейтблат А. И.* От Бовы к Бальмонту и другие работы по историческое социологии русской литературы. М.: НЛЮ, 2009. 448 с.
- С. С. [Дудышкин С. С.]* Скромное имя. За стеной. Рассказ В. Крестовского (Отечественные записки. 1862 г. Октябрь) // Библиотека для чтения. 1863. Т. 175. С. 26–42.
- Семевский В. И. Н. Д.* Хвоцинская-Зайончковская (В. Крестовский-псевдоним) // Русская мысль. 1890. № 10. С. 49–89.
- [*Соханская Н. С.*] Автобиография Н. С. Соханской (Кохановской) / Под ред. С. И. Пономарева. М.: Университетская тип., 1896. 193 с.
- Строганова Е. Н.* «Прах и суета»: Женское творчество в оценках Надежды Хвоцинской и ее современниц // Женский вызов: русские писательницы XIX – начала XX века / Под ред. Е. Строгановой, Э. Шоре. Тверь: Лилия Принт, 2006. С. 120–137.
- Тыминский А. И.* Поэтика прозы Н. Д. Хвоцинской: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1997. 23 с.
- [*Хвоцинская Н. Д.*] В. Крестовский. Встреча // Отечественные записки. 1860. Т. 129. С. 265–342; Т. 130. С. 1–88.
- Хвоцинская П. Д.* [Биография] // Собр. соч. В. Крестовского (псевдоним). СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1892. Т. 1. URL: <https://62info.ru/history/node/6876> (дата обращения 23.11.2018).
- «Я живу от почты и до почты...»: из переписки Надежды Дмитриевны Хвоцинской / Сост. А. Розенхольм, Х. Хогенбом. Fichtenwalde: Gopfert, 2001. 272 с.

A. A. Ponomareva

*Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation
anastasiya.ponomareva.92@inbox.ru*

**The plot “*aspiring provincial woman-writer – famous literary man*”
in the fiction of the middle of the 19th century
(the novel “*The Meeting*” by N. D. Khvoshchinskaya)**

The paper presents an investigation of the plot “*aspiring provincial woman-writer – famous literary man*” in the fiction of the middle of the 19th century. This plot is found to be connected

with the typical tendency of that time: the mass entrance of women-writers to the literary scene. The analysis of correspondence of N. D. Khvoshchinskaya, E. A. Ladyzhenskaya, and N. S. Sokhanskaya revealed typological characteristics of the situation in which a provincial woman found herself when she decided to begin a literary career: in order to become a valuable member of literary life, one would get acquainted with famous literary man by means of correspondence. The situation developed according to the same model regardless of the nature and views of the addresser and the addressee: a literary man took an active part in the life of the young writer (he gave advice on editing manuscripts, helped with their publication, etc.). The paper gives a detailed analysis of this biographical plot development in the novel “The Meeting” by N. D. Khvoshchinskaya (1860). The basic components of the plot are found to be ironically rethought in the novel: women’s complaints on the difficulty of realizing the creative potential, “teacher-student” relations between provincial woman-writer and famous literary man. The biographical plot, as developed by N. D. Khvoshchinskaya, was proved to acquire the original problematics. The writer tried to determine the inconsistency of literary programs relevant in the middle of the 19th century (“art for art” and “natural school”) and to formulate her opinion on the relation of literature to reality.

Keywords: N. D. Khvoshchinskaya, the novel “The Meeting,” provincial woman-writer, biographical plot, fiction, the middle of the 19th century, woman’s emancipation.

DOI 10.17223/18137083/68/8

References

- Arsen'yev K. K. V. Krestovskiy (pseudonim) [K. V. Krestovsky (pseudonym)]. In: Arsen'yev K. K. *Kriticheskiye etyudy po russkoy literature: V 2 t.* [Critical studies of the Russian literature: in 2 vols]. St. Petersburg, Tip. M. M. Stasyulevicha, 1888, vol. 1, pp. 255–350.
- (Khvoshchinskaya N. D.) V. Krestovskiy. Vstrecha [Meeting]. *Otechestvennyye zapiski*. 1860, vol. 129, pp. 265–342, vol. 130, pp. 1–88.
- Khvoshchinskaya P. D. (Biografiya [Biography]). In: *Sobr. soch. V. Krestovskogo (pseudonim)* [Collected works of V. Krestovsky (pseudonym)]. St. Petersburg, Tip. A. S. Suvorina, 1892, vol. 1. URL: <https://62info.ru/history/node/6876> (accessed 23.11.18).
- Lukashevich M. Roman V. Krestovskogo (Nadezhdy Khvoshchinskoy) “Bariton” na fone literaturnoy traditsii izobrazheniya seminarista Roman of V. Krestovskiy (Nadezhda Khvoshchinskaya) “Baritone” on the background of the literary tradition of the image of a seminarist]. *RSUH/RGGU Bulletin. “History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies” Series*. 2011, no. 7 (69), pp. 133–146.
- Nikonova T. A. E. A. Ladyzhenskaya. In: *Turgenevskiy sbornik: Materialy k polnomu sobr. soch. i pisem I. S. Turgeneva* [Turgenev’s collection: Materials for the complete collection of works and letters of I. S. Turgenev]. M. P. Alekseyev (Ed.). Moscow, Leningrad, Nauka, 1966, iss. 2, pp. 354–372.
- Obozreniye russkoy literatury za 1850 g. 2. Romany, povesti, dram. proizvedeniya, stikhotvoreniya [Review of Russian literature of 1850. 2. Novels, novels, dramas, poems]. *Sovremennik*. 1851, vol. 25, p. 33–63.
- Panayeva (Golovacheva) A. Ya. *Vospominaniya* [Memoirs]. K. Chukovsky (Intr.), G. V. Krasnov, I. M. Fortunatov (Notes). Moscow, Goslitizdat, 1956, 508 p.
- Pogrebnaya V. L. Problemy zhenskoy emansipatsii v romane N. D. Khvoshchinskoy “Vstrecha” [Problems of woman’s emancipation in the novel “Meeting” by N. D. Khvoshchinskaya]. *The Culture of the Black Sea Peoples*. 2005, no. 69, pp. 57–60.
- Reytblat A. I. *Ot Bova k Bal'montu i drugiye raboty po istoricheskoye sotsiologii russkoy literatury* [From Bova to Balmont. Other works of the historical sociology of Russian literature]. Moscow, New Literary Observer, 2009, 448 p.
- S. S. (Dudyshkin S. S.) Skromnoye imya. Za stenoy. Rasskaz V. Krestovskogo (Otechestvennyye zapiski. 1862 g. Oktyabr') [Modest name. Behind the wall. Story by V. Krestovsky (Otechestvennyye zapiski. 1862 October)]. *Biblioteka dlya chteniya*. 1863, vol. 175, pp. 26–42.
- Semevskiy V. I. N. D. Khvoshchinskaya-Zayonchkovskaya (V. Krestovskiy-pseudonim). *Russkaya mysl'*. 1890, no. 10, pp. 49–89.
- (Sokhanskaya N. S.) *Avtobiografiya N. S. Sokhanskoy (Kokhanovskoy)* [Autobiography of N. S. Sokhanskaya (Kohanovskaya)]. S. I. Ponomarev (Ed.). Moscow, Universitetskaya tip., 1896, 193 p.

Stroganova E. N. “Prakh i suyeta”: Zhenskoye tvorchestvo v otsenkakh Nadezhdy Khvoshchinskoy i ee sovremennits [“Ashes and hustle”: Women’s Art in the assessments of Nadezhda Khvoshchinskaya and her contemporaries]. In: *Zhenskiy vyzov: russkiye pisatel’nitsy 19 – nachala 20 veka* [Women’s challenge: Russian writers of 19th – early 20th century]. E. Stroganova, E. Shore (Eds). Tver’, Liliya Print, 2006, pp. 120–137.

Tyminskiy A. I. *Poetika prozy N. D. Khvoshchinskoy* [Poetics of N. D. Khvoshchinskaya’s prose]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Moscow, 1997, 23 p.

“Ya zhivu ot pochty i do pochty...”: iz perepiski Nadezhdy Dmitriyevny Khvoshchinskoy [“I live from mail to mail...”: from correspondence of N. D. Khvoshchinskaya]. A. Rozenkhol’m, Kh. Khogenbom (Comps). Fichtenwalde, Gopfert, 2001, 272 p.

Zotov V. N. D. Khvoshchinskaya (Iz vospominaniy starogo zhurnalista) [Khvoshchinskaya (From the memories of an old journalist)]. *Istoricheskiy Vestnik*. 1889, no. 10, pp. 93–108.